С. Ю. Белоруссова

РОДСТВО В ЭТНИЧНОСТИ НАГАЙБАКОВ*

УДК 39(470.55/.58) ББК 63.529(235.55)

Географически и ментально нагайбаки находятся на перекрестке путей и представляют собой мозаику культур. Они впитали различные этнические и религиозные традиции: с одной стороны, элементы христианской, мусульманской и языческой религий, с другой — русской, татарской, марийской, чувашской и других этнических культур. При исходной полиэтничности нагайбаки сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), религиозной (православной) и языковой (тюркской) обособленности от соседних групп, обусловившей закрытость, в частности эндогамную, а также опору на собственные родственно-соседские взаимодействия, которые послужили основой становления и последующего сохранения сообщества нагайбаков в полиэтничной среде Южного Урала.
Отношения между родственниками у нагайбаков принято обозначать терминами *туганнашырга*, *туган итәу* («родниться»). Слова означают поддержание родства: прием гостей, причастность к общим обрядам и праздникам, взаимная помощь и поддержка. Связь между живыми и мертвыми (ритуальное родство) на сегодняшний день является ключевой чертой нагайбакского сообщества. Нагайбаки называют загробную жизнь «настоящей», поэтому к поминальным обрядам, похоронам и всем ритуалам, связанным с памятью предков, относятся с большой долей святости. К новому родству нагайбаки относят *күрше* («сосед») и *ахирәт* («побратим») — это единственные не-кровные «родственники», которые участвуют в закрытых делах рода. Чтобы стать *ахирәт*, необходимо пройти через определенный ритуал, который скрепляет людей родством навсегда — при жизни и после смерти. Таким образом, родство в своей обрядности и повседневности подпитывает традиционную культуру нагайбаков, а также мотивирует активную жизненную позицию в отношении собственной этничности.

Ключевые слова: *родство, нагайбаки, этничность, эндогамия, новое родство, поминальные обряды, ритуальное родство, күрше (сосед), ахирәт (побратим), туганнар (родня)*

Родство является одним из оснований этничности. Иногда его называют «этничностью в миниатюре», поскольку в нем заключены те же поведенческие схемы, правила и обязанности, которые присущи членам всего сообщества. По словам М. Годелье, в понятие родства включено отождествление человека с судьбой целой группы: чувство групповой ответственности, зависимости друг от друга, обязательное почитание «родовых» авторитетов.[1] Ван ден Берге рассматривал понятие «народ» как «расширенные родственные союзы, построенные на тех же принципах близости и солидарности, что кланы и семьи». В русском языке слова «род», «народ» являются однокоренными, поскольку род считается «элементарным основанием устойчивой общности».[2] Род может образовываться не только на генетической основе: он может сложиться на основе общности, например, территории, культа, власти. У некоторых сообществ род — закрытая и стратифицированная структура: к примеру, в Китае человек должен сохранять верность своему большому клану.

Нагайбаки[3] находятся на уральском перекрестке различных культур.[4] Они представляют собой сплав этнических и религиозных традиций родства: с одной стороны, элементы христианской, мусульманской и языческой

[1] См.: Godelier M. The Metamorphoses of Kinship. London, New York, 2011. P. 84, 85.

Белоруссова Светлана Юрьевна — н.с. сектора этноистории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: *Svetlana-90@yandex.ru*

* *Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 17-06-00119) «Современные ракурсы этничности на Севере Евразии: текстово-визуальные композиции» (рук. А. В. Головнёв)*

[2] См.: Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 122.

[3] Нагайбаки — народ Южного Урала; их язык является диалектом татарского, они признают себя православными, а их предки были потомственными казаками. В 1842 г. нагайбаки были переселены из Белебеевского уезда Оренбургской губернии на Новую линию для укрепления границ. Сегодня большинство нагайбаков проживает в Нагайбакском районе Челябинской области.

[4] См.: Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 40.

религий, с другой — русской, татарской, марийской, чувашской и других этнических культур. Особенно это заметно в языке: терминология родства у нагайбаков частично совпадает с татарской, к примеру, нагайбакские слова *тәтәу* (*әтей, атам, әтим, әтекәем*) «отец» и *нәнәу* (*әней, анам, әнеем, әнекәем*) «мать» корнями *әти* и *әни* связаны с татарским языком, а в поздних заимствованиях *папау* и *мамау* прослеживается русско-татарское наслоение. По мнению Д. Б. Рамазановой, у нагайбаков «сложилась своя оригинальная система, являющаяся в основе своей кряшенской».[5]

При исходной полиэтничности нагайбаки сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), религиозной (православной) и языковой (тюркской) обособленности от соседних групп, что обусловило закрытость, в частности эндогамную, а также опору на собственные родственно-соседские взаимодействия, которые послужили основой становления и последующего сохранения сообщества нагайбаков в полиэтничной среде Южного Урала. Нагайбакское сообщество ориентировано как на традицию, так и на новацию, что отразилось в родстве: традиция «поддерживает» эндогамию, а современность — экзогамию, одно направлено на общинность, другое — на индивидуальность.

После переселения нагайбаки старались сохранять родство с оставшимися на башкирских землях сородичами. Исследователь В. Н. Витевский отмечает: «Они около 20 лет поддерживали почти постоянные сношения с белебеевскими крещеными татарами», кроме того, «бывая… на службе в Казани, нагайбаки-казаки входили в близкие отношения и с казанскими крещеными татарами».[6] К 1860-м гг., примерно через 20 лет после переселения, прежние контакты прекратились. Нагайбаки не спешили вступать в родственные связи с соседними народами — с калмыками, татарами и киргизами, а также с православными русскими.

Вплоть до 1990-х гг., нагайбаки остались автономным сообществом, не распространяющим родство и свойство на другие народы. С одной стороны, речь идет о сознательном отказе от межэтнических браков, чтобы «сохранить народ»; с другой — в основе закрытости нагайбаков лежит их ощущение отчужденности. По словам информанта Веры Леонтьевой, татары считали их «предателями веры, русские — каким-то тюркоязычным народом; вроде мы православные, а не русские».[7] Такая двойственная позиция присуща сообществам, находящимся на пограничье и в меньшинстве: будучи в состоянии этнических отшельников, они стараются сохранять внутреннее единство.

Нагайбаки среднего и старшего возраста вспоминают, что их родители не только советовали жениться «на своей нации», но и «запрещали заключать браки не со своими». Заметно влияние православия на принятие решений о брачных союзах: по словам нагайбаков, они намеренно отказывались от браков с мусульманскими народами. «Это казалось отречением: уйти от своей веры, своего образа жизни», — рассказал житель села Парижа.[8] Эндогамные браки привели к кровнородственным союзам: по словам информанта Николая Васильева, нагайбаки «на четвертом колене родственники». В связи с этим у местных жителей сложилось негласное правило, согласно которому четвероюродные родственники — дальняя родня и с ними можно заключать браки, тогда как союзы с родней третьего и второго колена осуждаются. Тем не менее нагайбаки признаются, что они «варились в одном котле», поскольку среди них нередко заключались браки не только с четвероюродными, но и с троюродными и двоюродными родственниками.

На сегодняшний день межэтнические браки заключаются в основном с русским населением. При этом нагайбаки спокойно относятся к союзам с мусульманскими народами — татарами, башкирами и казахами. В селе Париже нагайбачка вышла замуж дважды — в первом случае за нагайбака, во втором — за казаха; ребенок от первого брака считает себя нагайбаком, а пятеро детей от второго — казахами. Разные религиозные представления, а также бытовые привычки не мешают поддерживать родство и свойство в этой семье.

«Родне надо родниться»

На языке нагайбаков «родня» и «родной» обозначаются словом *туган*; производные от него — *туганнык* («родство»), *туганнар*

[5] Рамазанова Д. Б. Некоторые наблюдения над системой терминов родства и свойства нагайбаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995. С. 88.

[6] Витевский В. Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда // Волжско-Камское слово. 1882. № 72, 74, 80, 138, 144.

[7] ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, пос. Остроленский; август, 2015.

[8] Там же, с. Париж, пос. Остроленский; октябрь–ноябрь, 2015.

(«родственники»).[9] К *туган* относят родственников нескольких поколений, а граница родства устанавливается внутри самих семей и собственного рода. В одной ситуации слово *туган* может употребляться только в отношении кровного родства, в другой — применительно ко всем нагайбакам и даже к соседним народам. В этом отношении более четкие границы определяет термин *туган ру* («родство по роду»).

Общение с родней у нагайбаков называется *туганнашырга*, *туган итәу*, т. е. «родниться». Они четко различают слова со значением «родниться» (поддерживать родство) и «породниться» (приобретать родство), последнее обозначается словосочетанием *туган булырга*. Считается, что, насколько основательно нагайбак «роднится» со своими родственниками, настолько широк его род.

«Родниться» — обязанность нагайбака, уклонение от которой вызывает порицание в обществе. «Если ты роднишься — ты будешь родниться со всеми коленами, если нет, то и с братом не будешь». Николай Васильев не без гордости заявляет, что его «семья и с шестым коленом роднится». По сообщению Екатерины Васильевой: «Если мы чуточку знаем родню, то стараемся (родниться. — *С. Б.*)».[10]

По поводу родственных обязательств в народе бытует присказка «родне надо родниться». Степень «родственности» может уменьшаться или увеличиваться, активироваться или ослабевать в зависимости от обстоятельств: с родственником, живущим рядом, проще «родниться», чем с теми, кто далеко. Не так давно рядом с домом Галины Ишимовой в поселке Остроленском поселилась ее племянница, на что Ишимова отреагировала фразой: «Мы теперь рядом живем — будем родниться».[11]

Один из основных способов поддержания связи с родными — взаимные посещения. Быть «хорошей родней» — значит приглашать к себе домой по любым поводам. Одна нагайбачка сказала: «Иногда я не успеваю посуду помыть — настолько часто приходят гости». Родниться можно только при условии взаимности: необходимо, чтобы родственники по очереди приглашали и принимали гостей. Среди нагайбаков популярна пословица *туган ашы кара карышы* («стол родства обоюдный»), в ином варианте — *кунак ашы, кара карышы* («если в гости пришел, то сам позови»).

Нагайбаки подчеркивают, что они поддерживают родство не только через застолье, но и через общие дела и взаимопомощь. По мнению Валентины Минеевой, «родниться — это не только за столом сидеть, а помогать друг другу и поддерживать. К примеру, если корову колешь, ты же один это не сделаешь». Среди нагайбаков распространен обычай *өмә* («помощи»),[12] который также бытует среди тюркских (чуваши, башкиры, татары, кряшены), финно-угорских (мордва, марийцы) и славянских (русские, белорусы и др.) народов. «Помощь» включает в себя все виды работ, в которых необходимо участие нескольких человек: заготовку сена, дров, закол животного, постройку дома, разделку птицы. Несмотря на различие в деталях, в целом *өмә* проходит по единому сценарию у всех народов: члены общины (и/или родственники) помогают семье (или хозяину) выполнить работы, после чего принято угощать всех, кто принимал в этом участие. В широком смысле слова *өмә* распространяется на членов общины,[13] в узком — только на близких родственников.

У нагайбаков помощь в ощипывании птицы называется *каз өмәсе* («гусиная помощь»). Обычно для этого собирается несколько женщин. Этот обычай имеет сходство с «девичьими посиделками»,[14] где поют песни и обмениваются новостями. Помощь при постройке дома называется *өмә белән*. В прошлом строительство было настоящим ритуалом: на строительную площадку приносили свежеиспеченную булочку с солью, под фундамент клали серебряные деньги (эти предметы — символы благополучия), а начало строительства благословлял «патриарх рода»[15] — самый уважаемый родственник.

В настоящее время старожилы сетуют на то, что обычай *өмә* постепенно изживает себя: родня уже не так часто принимает участие в совместных строительных работах. По сообщению Евдокии Исаевой, в поселке Остроленском

[9] См.: Барышникова О. И. Нагайбакща-урысща сузлек. Магнитогорск, 2015; Она же. Русско-нагайбакский словарь. Магнитогорск, 2015.

[10] ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, пос. Остроленский; ноябрь, 2015.

[11] Там же.

[12] Тюркские народы переводят слово *өмә* на русский язык по старинной традиции как «помочь», нагайбаки в разговоре употребляют слово «помощь».

[13] См.: Исхаков Р. Р. Очерки традиционной истории и культуры и религиозности татар-кряшен (XIX — начало XX вв.). Казань, 2014. С. 272, 273.

[14] Там же. С. 273.

[15] См.: Вдовина С. И. Соты памяти народной. Челябинск, 2008. С. 118, 119.

«никто давно родней не строил дом, и обычно нанимают рабочих». Другая жительница жаловалась на то, что ее дочь не соблюдает обычай *каз өмәсе:* «Говорю дочери: “Рядом с тобой живет золовка, у тебя и у нее столько гусей! Соберитесь вместе”. А она: “А зачем? Мы с мужем быстрее гусей ощипаем вдвоем: сегодня 5, завтра 5”. А раньше это считалось праздником, собирались всей родней, звали соседей. Сейчас этого нету. За сегодня-завтра сама все переколола».[16]

В переориентации на индивидуальный труд нет запретов со стороны старожилов села: они понимают эффективность такой работы. Однако здесь прослеживается нарушение традиций взаимопомощи: отказ от обычая влечет за собой утерю возможности «родниться» и, следовательно, сужает круг рода.

Феномен «нового родства»: күрше и ахирәт

К свойствам родства относится возможность объединять изначально неродственные группы.[17] К примеру, «новое родство» у хантов возникло через соединение различных групп на основе общности проживания, культа, ясака.[18] К «новому родству» у нагайбаков относятся понятия *күрше* и *ахирәт* — единственные некровные «родственники», которые участвуют в закрытых делах *туган ру*.

Издавна нагайбаки были оседлыми земледельцами-казаками, поэтому люди, проживавшие рядом с ними, в соседних домах, играли большую роль в их хозяйстве и жизни. Обычно у нагайбака есть *күрше* («соседи»), с которыми поддерживаются тесные взаимоотношения. Чаще всего соседи не приходятся друг другу родственниками или являются дальней родней. Если рядом проживает близкий родственник, то он попадает в категорию *туган ру*, а не соседства. Значимость соседей демонстрирует нагайбакский фольклор, в частности пословица «*өй сатып алгынчы — башта куршыңны сатып ал*» («прежде чем покупать дом — купи соседа»).

Нагайбаки признают близость с соседями. По мнению Валентины Минеевой, «сосед может быть ближе родни, потому что живет близко к тебе». Некоторые информанты говорят, что для них «сосед лучше родни». Общение между соседями ориентировано на долговечность и прочность отношений; «плохим соседством» называют ситуацию частой смены соседей. Чтобы подчеркнуть роль *күрше*, местная жительница отнесла его к *туган* («кровное родство»): в одном из разговоров Евдокия Байкина заявила своей соседке Зинаиде: «Да какая ты мне соседка, ты мне сестра родная!» По словам Тамары Бургучевой, она «роднится» со всеми соседями: они общаются, ходят в гости, приглашают друг друга на праздники, поминки. Разобщенность между соседями считается в нагайбакском сообществе, по меньшей мере, отклонением от нормы, а в ряде случаев — бедой.

Нормой является то, что соседи наравне с близкими родственниками участвуют в *өмә;* часто между соседями даже больше обязательств помогать друг другу, чем между кровной родней. Это своего рода «священный долг» соседей: когда нагайбаки собирают «помощь», они в первую очередь рассчитывают на соседей.

Другой вид «нового родства» — *ахирәт*; согласно татарско-русскому словарю, это слово означает: 1) загробный мир; 2) приятельницу, подругу. Сегодня среди татароязычного населения слово *ахирәт* преимущественно используется для обозначения внеземной жизни. При этом у нагайбаков *ахирәт* означает «духовное побратимство»: считается, что они скрепляют себя родством не только при жизни, но и после смерти.

Согласно сведениям начала XX в., у нагайбаков понятие *ахирәт* появилось только после переселения. Очевидец писал, что еще на старых землях в «Уфимской провинции… (нагайбакам. — *С. Б.*) была внушена необходимость для христианина исповеди», которая проводилась на их языке. Сразу после поселения на Новой линии нагайбакам были предоставлены русскоязычные священники, которые относились к исповеди инородцев формально. В конце концов «нагайбачки на новом месте, имея потребность, вошедшую уже в привычку, очистить совесть, ограничивались тем, что исповедовались друг у друга». Такой вид взаимодействия назывался «ахирят». В статье «Из быта нагайбак» сообщается: «Женщина, желающая исповедоваться, избирала себе более благонадежную подругу и открывала ей в беседе всю свою душу, и та делала то же. Именуя друг дружку словом “Ахирят”, нагайбачки тем выражали, чтобы тайны,

[16] ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, пос. Остроленский; ноябрь, 2015.
[17] См.: Головнёв А. В. Антропология движения… С. 123.
[18] См.: Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 237–249.

открываемые друг дружке, хранились до загробной жизни, т. е. до смерти».[19]

Автор уточняет, что к началу XX в. понятие «ахирят» первоначально означавшее «исповедь», трансформировалось в «совершенно другое: с кем… откровеннее побеседуют или, вернее, посплетничают, те женщины-нагайбачки именуются “ахирят”».[20] В дальнейшем обычай *ахирәт* распространился и на мужчин: считалось, что необходимо «общаться» и «родниться» семейным парам.[21] К такому родству относятся с долей святости, полагая, что *ахирәт* нельзя друг с другом ссориться. Люди, которые потеряли или периодически теряют душевную близость со своим *ахирәт,* порицаются в обществе и считаются «ненастоящими» *ахирәт.*

В прошлом существовал обряд принятия побратимства — *ахирәт*: для этого пары по очереди приходили друг к другу в гости, а затем объявляли родне о том, что намерены стать *ахирәт,* на что те должны были дать свое согласие, т. е. принять в свое родство. Обряд сопровождался обменом подарками, обычно это была одежда: женщинам дарили платье, мужчинам — сорочку. В этом смысле дарообмен выглядит скрепляющим родство обрядом: подарки в виде одежды обозначали долговечность. *Ахирәт* общаются друг с другом как обычные родственники — роднятся, ходят друг к другу в гости, участвуют в «помощи». Если в прошлом отношения *ахирәт* ограничивались кругом нагайбаков, то постепенно границы расширились: по сообщению нагайбачки из поселка Кассельского, у ее бабушки *ахирәт* «была казашкой».

Курше и *ахирәт* выполняют определенную роль в этничности: с одной стороны, их «долг» состоит во взаимопомощи, с другой стороны, им дана возможность участвовать в ритуальном родстве. Чтобы стать *ахирәт*, необходимо пройти через определенный ритуал, который скрепляет родством навсегда — при жизни и после смерти. Напротив, соседи не имеют «официальной» позиции родства: при смене места жительства близкие отношения со старыми соседями замещаются новыми.

Ритуальное родство

В традициях нагайбаков ритуал является едва ли не основанием родства и этничности. Поминальные и похоронные обряды редко поддаются трансформации, а любое отклонение от традиции считается неуместной попыткой «обновить» ритуал предков. После смерти усопший не уходит из круга родства: он переходит на особенный уровень. Нагайбаки не говорят, что «человек умер», они скажут: «*Чын термешка китте*» («Ушел в Настоящую жизнь»).[22] Нагайбаки прочно связаны узами родства, и даже после смерти нагайбак не обречен на одиночество, а попадает в круг покойных родственников. Живые тщательно оберегают покой мертвых: «беспокойный» усопший не сулит добра тем, кто на земле.

Нагайбаки собирают поминальные обеды на 3-й, 9-й, 40-й день и год после кончины родственника. На таких поминках обязательно вспоминают всех усопших родственников. При этом считается, что покойные тоже присутствуют на таких обрядах: для них открывают ворота, а во дворе накрывают столик с угощениями. Во время поминок нужно соблюдать равновесие между грустью и весельем; по словам Тамары Уряшевой из села Попово, «покойникам хочется, чтобы люди не сидели, а чтобы улыбались, хорошо, когда кто-то шутит».[23]

Живые обязаны снабдить усопшего всем необходимым для комфортного существования в ином мире. В гроб могут положить любимые или наиболее ценные вещи умершего. Нагайбачка из села Варламово рассказала, что ее мать просила, «чтобы дети на низ гроба положили ее старое одеяло, так ей тепло будет». По словам местной жительницы, в гроб одного из родственников положили «его золотые зубы, чтобы он их там надел — и пошел на дискотеку».[24]

Согласно представлениям нагайбаков, загробный мир имеет сходство с реальным, только «обеспечивают» его живые люди. В этом смысле показательна поговорка, распространенная среди нагайбаков, *тырс көто көдойдан үле көто тередән* («живой ждет от бога, мертвый ждет от живого»). Люди не должны забывать об усопшем предке: обычное чаепитие подразумевает воспоминание об умершем. «Я прихожу к кому-нибудь в гости, говорю: “Давайте чай попьем, помянем моих (усопших. — *С. Б.)*”, можно сразу помянуть родню того, к кому пришел», — рассказала Тамара Уряшева. Жительница села Варламово

[19] С. А. Из быта нагайбак // Оренбург. епарх. ведомости. 1912. № 32, 33. С. 652.
[20] Там же.
[21] См.: Вдовина С. И. Указ. соч. С. 122.
[22] Там же. С. 124.
[23] Архив Этнографического Бюро (далее АЭБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 28.
[24] Там же. Л. 18.

поделилась своими наблюдениями: «Когда собираемся, начинаем вспоминать *всех* и *им* говорим: “Айдате с нами”. Моя мама, если что-то постряпает, говорит *им*: “Айдате-айдате, пирожки постряпала, всем хватит”. Вроде сидим вдвоем, а она все равно *всех* зовет. Если я просто лапшу сделала, сразу вспоминаю [покойную] дочь, которая ее любила есть, я ей говорю: “Айда, Наташенька, свежую лапшу сделала”.[25]

Одновременно нужно сохранять баланс в отношении памяти об усопших: нельзя слишком часто их поминать. Тамара Уряшева, которая после смерти сына часто ходила на его могилу, рассказала: «Один раз пришла на кладбище, дверь открываю, только хотела сказать: “Как у вас дела?” Тут же начался ветер, полетели листья и вороны взлетели. Я испугалась, говорю: “Славик, это ты? Это твоя душа, что ли? На небесах ты был? Прилетел? Ты злишься, что я пришла? Ты меня напугал”».[26]

Передача гостинца у нагайбаков обычно может сопровождаться фразой «помяни моего родственника...» В этом случае дарообмен несет функцию не только установления связей через обязательства, но и дополнительного контакта с усопшими.

Каждое воскресенье для умерших родных пекут оладьи или блины на сковороде — *таба исэ чыгару* («запах печеного на сковороде»): «дым от выпечки выходит из трубы и форточки и поднимается на небо к покойникам», и «души родственников могут им насладиться».[27] По сообщению Екатерины Васильевой, она поминает своих усопших всякий раз, когда печет блины, оладьи на сковороде.

На поминки, в Родительский день или на Троицу нагайбаки приносят *табак* («чаша») с продуктами для поминания усопших, часто — на могилу. В *табак* нельзя класть мало продуктов: «если жалеешь, то твои предки там своего не получат». Во время поминок нужно обязательно есть и пить. С. И. Вдовина отмечает: «На похоронах говорят, что чаша дает силу новопреставленной душе пройти через мытарства в чистилище. Если кто-то не ел каши во время поминальной трапезы, а у души не хватило силы в борьбе с испытаниями, то умерший во сне придет к виновному и потребует отчета: “Ты почему не ел каши на моих похоронах?”»[28]

Нагайбаки говорят, что через 40 дней после смерти положено «давать жертву» усопшему или в его честь «пустить кровь» (обычно для этого колют птицу). По сообщению Николая Васильева, «кровь — это благодеяние, самое святое и самое чистое». Причем покойные «вправе выбирать» или «указывать» на предпочтения в пище. Вот что об этом говорят сами нагайбаки: «У меня свекровка умерла, а я ей все курей, да курей (колола — *С. Б.*). На три года она мне снится и говорит: “А я курицу не хочу”. Я проснулась, думаю, боже, курицу она не хочет. А у нас овечки были, говорю мужу, давай ей сделаем (поминки — *С. Б.*). Во дворе закололи, помянули хлебом с водкой, с солью, с луком и дома сварили. Все, не стала сниться».[29]

Раз в год покойную родню нужно символически очищать и мыть, для чего нагайбаки проводят *уле мучасы* («баня для покойников») в Страстную неделю Пасхи, в ночь перед Чистым четвергом. Для этого нагайбаки ходят в баню до вечера, затем открывают ворота, готовят для покойных «новые полотенца, мочалку, веник, мыло разводят в тазу» и не заходят туда до рассвета. Считается, что в ту ночь покойные приходят мыться в бане. Утром нужно «воду после мертвых вылить, а полотенца постирать». Воспитатель детского сада Татьяна Бегашева заметила, что в этот день «родители забирают детей из садика пораньше, чтобы успеть помыться до покойников».

Запрет появляться в бане на *уле мучасы* порой вызывал любопытство, а у некоторых — желание там побывать. Вокруг этого обычая стали складываться вызывающие страх легенды. Валентина Арапова рассказала, что «один механизатор пришел домой поздно, устал, как собака, и решил пойти в баню. Только нагнулся за тазом, как кто-то его пнул. Он бросил тазы и убежал». Акулина Тихонова из поселка Кассельского поделилась историей: «Однажды рано утром в Чистый четверг мать послала меня за водой, а солнце еще не взошло. И когда пришла, там в окно бани вижу покойницу сестру, а вокруг нее ее дети, которые умерли. Я так испугалась, что на целый месяц от болезни слегла».[30]

Считается, что усопшие передают информацию живым через сон. Так, «мертвые приходят во сне, чтобы дорешать невыполненные уроки жизни».[31] Во сне нагайбаки видят, как

[25] Там же. Л. 35.
[26] Там же.
[27] Вдовина С. И. Указ. соч. С. 102.
[28] Там же.
[29] АЭБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.
[30] ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, пос. Кассельский; август, 2012.
[31] Вдовина С. И. Указ. соч. С. 125.

живут усопшие и есть ли у них пожелания к живым. К примеру, если снится покойник — его нужно помянуть. Видеть усопшего во сне считается тревожным знаком: либо ему в том мире чего-то не хватает, либо он предупреждает об опасности.

Согласно З. Фрейду, мертвые являются «властителями» над живыми, поэтому в отношении к усопшим прослеживается амбивалентность в виде страха и почтения.[32] С одной стороны, нагайбаки с благоговением относятся к покойным предкам; поминки, по словам Николая Васильева, являются «большим благодеянием усопшему». Нагайбаки верят в возможности и силу предков. Одна местная жительница рассказала о своих просьбах к усопшим: «На Родительский день хожу на могилки и у всех прошу помощи, чтоб молились за меня, за моих родных, чтоб все было у нас нормально, чтоб никто не болел».[33]

С другой стороны, нагайбаки относятся к мертвым с опасением, страшатся увидеть усопшего. Образ мертвеца является «чужим» в реальном мире и, в представлении живых, несет беду. При организации похорон и поминок нагайбаки советуются со стариками, чтобы «неправильным обрядом» не навлечь гнева усопших. Нагайбак из поселка Остроленского заявил: «Если мы не будем поминать усопших, то мои дети не будут здоровы, не будут счастливы».[34]

По словам Клары из села Попово, болезнь животного может означать желание усопшего им завладеть. Она поясняет: «Скотина заболела, видим, что уже чахнет, говорим: “Если ты поправишься, мы тебя заколем какому-то человеку”. И это надо обязательно сделать, если сказал, то покойник ждет уже».[35] Особенно значимым среди нагайбаков считается проведение обряда *Аш биру* и принесение жертвы;[36] если не выполнить этот обряд, то покойный может «забрать свою долю» в виде человеческой жертвы.

* * *

Нагайбаков можно назвать традиционным сообществом с разветвленной сетью родственных контактов. Ритуальное родство на сегодняшний день является ключевой чертой нагайбакского сообщества. Нагайбаки называют загробную жизнь «настоящей», поэтому поминальные обряды, похороны и все ритуалы, связанные с памятью предков, как правило, не поддаются трансформации. Обновления считаются большим риском для культуры, «новаторы» обычно подвергаются критике со стороны соплеменников.

Единственным условием вхождения в группу нагайбаков является наличие родственных связей. Недаром у нагайбаков часто вместо понятия «дружить» используется понятие «родниться». Не исключено, что с этим связан феномен «нового родства». *Күрше* и *ахирәт* обладают разными функциями: соседи выступают в качестве союзников и конкурентов, тогда как *ахирәт* скреплены духовной близостью даже после перехода в иной мир.

Несмотря на внешнюю закрытость, сообщество нагайбаков открыто инновациям и заимствованиям, поскольку у них немало пересечений с соседними группами. Пограничье позволило нагайбакам объединить в своей этничности оппозиции «гостеприимство и соперничество», «открытость новациям и закрытость традиций». С одной стороны, родство в своей обрядности и повседневности подпитывает традиционную культуру нагайбаков, с другой — мотивирует их активную жизненную позицию, в частности в отношении собственной этничности.

Svetlana Yu. Belorussova
Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *Svetlana-90@yandex.ru*

KINSHIP IN THE NAGAIBAKS ETHNICITY

Geographically and mentally the Nagaibaks live at the crossroads where lots of different cultures meet. They absorbed various ethnic and religious traditions: on the one hand the elements of the Christian, the Muslim and heathen religions, and on the other — the Russian, the Tatar, the Mari, the Chuvash and other ethnic cultures. Despite their original polyethnicity the Nagaibaks evolved

[32] См.: Фрейд З. Тотем и табу. СПб., 2005. С. 90.
[33] АЭБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 30.
[34] ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, пос. Остроленский; ноябрь, 2015.
[35] АЭБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 36.
[36] См.: Белоруссова С. Ю. «Здесь открывается душа нагайбака»: поминальный обряд Аш биру // Живая старина. 2016. № 1 (89). С. 16–20.

as a relatively solid community owing to the social (the Cossack), the religious (Russian Orthodox), and the linguistic (Turkic) isolation from the neighboring groups with a resulting closeness, particularly the endogamic one, as well as the reliance on internal kinship-neighborhood contacts, which formed a basis for the development and further preservation of the Nagaibaks community within the polyethnic environment of the Southern Ural. In the Nagaibak language there are several special terms for kinship relations tugannashirga, *tyugan iteu* (to become kin). These words mean support of kinship: through hospitality, joint participation in religious ceremonies and festivals, mutual support and assistance. The link between the dead and the living (ritual kinship) is today a key characteristic of the Nagaibak society. The Nagaibaks refer to the afterlife as "real" with the resulting attitude to memorial rites, funerals, and all rites related to remembrance of the ancestors as the sacred ones. According to the Nagaibaks the new kin include *kurshe* (neighbors) and *akhiret* (sworn brother) — these are the only relatives other then blood relations who participate in dealing with internal affairs of the family. To become the akhiret one has to go through a special ritual which would connect people as kin forever — during lifetime and in the afterlife. Thus kinship both in the rituals and in everyday life nourishes the Nagaibaks traditional culture and motivates the people to assume active position with regard to their own ethnicity.

Key words: *kinship, Nagaibaks, ethnicity, endogamy, formed kinship, funeral ceremony, ritual kinship, kurshe (neighbour), akhiret (sworn brother), tugannar (kin)*

REFERENCES

Belorussova S. Yu. ["Here opens the soul of the Nagaibak": the memorial ceremony of Ashbiru]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 2016, no 1 (89), pp. 16–20. (in Russ.).

Freud S. *Totem i tabu* [Totem and Tabu]. Saint-Petersburg: "Azbuka-Klassika" Publ., 2005, 256 p. (in Russ.).

Godelier M. The Metamorphoses of Kinship. London, New York: Verso, 2011. 647 p. (in English).

Golovnev A. V. [Ural ethnicity and identity]. *Uralyskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no 2 (31), pp. 40–49. (in Russ.).

Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Yevrazii)* [Anthropology of movement (Antiquities of the North Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAN; "Volot" Publ., 2009, 496 p. (in Russ.).

Iskhakov R. R. *Ocherki traditsionnoy istorii i kulytury i religioznosti tatar-kryashen (XIX — nachalo XX vv.)* [Sketches of traditional history and culture and religiosity of Tatars-Kryashens (19 — early 20th centuries)]. Kazan: "Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy" Publ., 2014, 332 p. (in Russ.).

Perevalova E. V. *Severnye khanty: etnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: ethnic history]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004, 414 p. (in Russ.).

Ramazanova D. B. [Some observations on the system of terms of kinship and the properties of nagaibaks]. *Nagaybaki (kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchenykh tatar-kazakov)* [Nagaibaki (complex study of a group of baptized Tatar-Cossacks)]. Kazan: IYaLI im. G. Ibragimova ANT Publ., 1995, pp. 88–93. (in Russ.).

Vdovina S. I. *Soty pamyati narodnoy* [Honeycombs of people's memory]. Chelyabinsk: "Alim" Publ., 2008, 244 p. (in Russ.).

Обычай *казәмәсе* («гусиная помощь») у нагайбаков.
Пос. Остроленский, Нагайбакский р-он, Челябинская обл., 2015 г. Фото С. Ю. Белоруссовой

Поминальный обряд *Аш бирәу* («Большие поминки») у нагайбаков.
Пос. Остроленский, Нагайбакский р-он, Челябинская обл., 2014 г. Фото Е. А. Михалевой